

Научная статья
УДК 81`42
doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-148-152

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИРОНИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е.В. Кузнецова

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия
lena_kouznetsova@mail.ru

Аннотация. Интерпретация иронии в художественных произведениях, а также раскрытие механизма её действия не обходятся без трудностей. Нередко ирония бывает весьма непростой для понимания, особенно в художественных произведениях зарубежных писателей. Вопрос о контексте, необходимом для функционирования и реализации иронии также остается нерешенным. Очевидно, что иронический посыл может локализоваться и в одном слове на лексическом уровне, но нет единого ответа на вопрос, может ли он читаться в контексте всего произведения. Отсюда вытекает проблема об интерпретации контекста иронии.

Ключевые слова: ирония, контекст, интерпретация, Бельведер, Гавальда, стилистический прием, троп

REPRESENTATIONS OF IRONY IN ARTISTIC TEXT

E.V. Kuznetsova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia, lena_kouznetsova@mail.ru

Abstract. The interpretation of irony in works of art, as well as the disclosure of the mechanism of its action, are not without difficulties. Irony is often quite difficult to understand, especially in the works of fiction by foreign writers. The question of the context necessary for the functioning and implementation of irony also remains unresolved. Obviously, an ironic message can be localized in one word at the lexical level, but there is no single answer to the question of whether it can be read in the context of the entire work. This raises the problem of interpreting the context of irony.

Keywords: irony, context, interpretation, Belvedere, Gavalda, stylistic device, trope

В лингвистике изучаются различные теоретические и практические аспекты иронии. Единого мнения о ее природе, выражении и функционировании нет. Одни ученые причисляют иронию к тропам (С.П. Белокурова, В.М. Пивоев, и другие), другие – к стилистическим фигурам (Д.М. Кузнец и М. Ю. Скребнев и другие).

Установление статуса иронии, контекста ее действия, ее основных функций и типов, её места в языковой картине мира, а самое важное, средств ее реализации в канве художественных произведений нуждается в дальнейших и качественных исследованиях.

Разница в трактовке иронии заключается в том, что одни ученые утверждают, что ирония – это только лишь иносказание. Другие придерживаются мнения, что в иронии помимо иносказания присутствует еще и насмешка.

Проанализировав научные работы, можно заключить, что иронию невозможно рассматривать только как насмешку или иносказательность. Это целостное понятие, включающее в себя оба этих аспекта: употребление слова в прямо противоположном ему значении, которое в подавляющем большинстве случаев будет выражать насмешку или давать оценку.

В рамках данной статьи ирония рассматривается как стилистический прием (троп), в основе которого лежат, в первую очередь иносказательность, двойственность, оценочный характер объекта или действия, а также насмешка.

Как мы видим, ирония – это понятие сложное, многоплановое и неоднородное. На наш взгляд, невозможно изучать иронию только со стилистической или литературоведческой точек зрения.

Таким образом, можно утверждать, что ирония, имея в своей образующей базе контраст логических значений, может реализовываться, как в минимальном контексте, так и в мегаконтексте. Но, она не всегда очевидна даже в канве целого произведения. Зачастую, для раскодировки иронии, необходимо прибегать к вертикальному контексту, фоновым знаниям. В устной речи иронический посыл может передаваться посредством интонации. В письменной речи такую функцию берут на себя различные графические символы.

Так, например, французский писатель Ф. Бегбедер в романе «Любовь живет три года» часто прибегает к крупному шрифту Caps Lock, чтобы акцентировать внимание читателя на том или ином слове, а также конкретизировать его значение в данном контексте. Приведем пример:

«On se marie exactement comme on passe son baccalauréat ou son permis de conduire : c'est toujours le même moule dans lequel on veut se couler pour être normal, normal, NORMAL, à tout prix. À défaut d'être au-dessus de tout le monde, on veut être comme tout le monde, par peur d'être en-dessous. Et c'est le meilleur moyen de ruiner un amour véritable» [46; 46].

«Мы женимся точно так же, как сдаем экзамены на аттестат зрелости или на водительские права: всегда одни и те же рамки, в которые надо втиснуться, чтобы быть как все, как все, КАК ВСЕ любой ценой. Если лучше всех не получается, стараешься хоть не отставать, а то, чего доброго, окажешься хуже всех. И это лучший способ погубить настоящую любовь» [2; 42].

В данном случае, автор иронизирует над обществом, которое навязывает людям определенную модель поведения, ритуал важных поступков, который каждый должен совершить в жизни. Не даром выделенное слово *normal* (нормальный), имеющее положительную коннотацию, приобретает в этом контексте коннотацию отрицательную. Между строчками читаются истинные мысли автора, что люди, наоборот, ненормальны, раз хотят жить по навязанным им обществом правилам и требованиям, что, по мнению Ф. Бегбедера и ведет к разводам и провалам.

В процессе анализа произведения, выяснилось, что чаще всего ирония проявляется на лексическом уровне, т.е. она заключена в одном слове, а значит, она имеет тесную связь с семантикой данного слова. Всем хорошо известно, что слова в большинстве своем – полисемичные речевые единицы, поэтому только лишь в контексте слово приобретает «истинный» смысл, необходимый для понимания лишь в данной конкретной ситуации. Другими словами, контекст всегда использует слово лишь в одной из многих его сем, исключая многозначность слова. Но, не во всех случаях проявления иронии, контекста даже одного предложения не хватает, чтобы понять определенный смысл слова, а, следовательно, уловить иронический характер высказывания. В романе Ф. Бегбедера «Любовь живет три года» во внутреннем монологе главного героя, который развелся с женой и не знает, как ему дальше жить, решает найти утешение в баре. Можно предположить, что ирония основана на взаимоисключающих друг друга компонентах значения:

Ce soir n'est pas une fête comme les autres [46; 16].

А сегодняшний вечер – не просто праздник [2; 14].

На данном ярусе иронического автор оставляет амбивалентность, двойственность его смысла, но на другом ярусе, автор желает, чтобы оценка, которую он дает, была однозначной. А для этого он прибегает к использованию слова в противоположном ему значении. Предлагаю рассмотреть иронию, заключенную в одном слове, на примере из романа А. Гавальды «Просто вместе». Камилла Фок вместе с Мамаду в клининговой компании «Туклин». Платят им немного, денег на жизнь едва хватает. Несколько ночей Камилле даже приходилось проводить на улице, пока однажды ей не улыбнулась удача – ее друзья подарили ей ключ от комнаты на мансардном этаже, в доме около Марсового поля. 16 район в Париже, считается одним из самых дорогих, но комнатка Камиллы под крышей оставляет желать лучшего – условий для жизни практически никаких: летом стоит зной, зимой царит холод, а между тем, душ на промозглой лестничной клетке. В данном случае ирония заключается в выражении насмешки над квартиркой Камиллы:

- *Qu'est-ce que tu fais? Tu prends le métro avec nous?*

- *Non, je rentre à pied.*

- *Ah, c'est vrai que t'habite dans les beaux quartiers, toi... [47; 26]*

- *Поедешь с нами на метро?*

- *Нет, вернусь пешком.*

- *Ну ясно, ты-то живешь в шикарном квартале... [3; 26]*

Ирония содержится в прилагательном *beau* (красивый, шикарный (здесь)). Согласно словарю Larousse *beau* – «qui est agréable, qui cause du bien-être» (нечто приятное, причина хорошего самочувствия, блаженного состояния), а также «qui suscite un plaisir esthétique d'ordre visuel ou auditif» (то, что порождает эстетического визуального или слуховое удовольствие) [67]. В данном случае речь не идет о внутреннем конфликте двух сем слова *beau*. Но все равно, читатели понимают иронию, по причине контекста, который не ограничивается парой реплик диалога. Мамаду, чернокожая, а во Франции большинство представителей этой расы живут в маленьких квартирах социального жилья в неблагоприятных районах, где ютится многочисленная семья. По мнению Мамаду, хоть и Камилла живет в такой близости от Эйфелевой башни, что та в ночное время может служить ей прекрасным ночником, но все равно, ее условия жизни гораздо хуже. И, когда Мамаду говорит: «Ну, ясно, ты-то живешь в шикарном квартале», она подразумевает совершенно ужасную комнату Камиллы. Необходимо отметить, что ирония в данном контексте особого душевного, эмоционального состояния, базируется на знании событий, которые происходят в жизни участников диалога.

Невозможно не заметить, что при трактовке иронического смысла, необходимо выходить не только за рамки одного предложения, а даже целого текста. Порой невозможно понять смысл авторской иронии, полагаясь только на контекст, а значит, нужно затрагивать культурные, нравственные, психологические точки зрения, которые помогают декодировать подлинный смысл в иронии, заложенной автором.

Не без оснований можно предположить, что для успешной интерпретации иронии в художественном тексте совершенно необходимо учитывать экстралингвистические факторы, знание реалий из различных областей сфер жизни и истории народа, без которых невозможно правильное понимание смысла употребления иронии.

Приведем следующий пример из этого же романа А. Гавальды. Мамаду просит Камиллу помочь ей оформить социальные выплаты на детей. После длительного изучения всех документов Камилла «lui rendit son bordel, il y avait même des pubs, des photos de voitures et des facture de téléphone» [47; 25]; «Камилла вернула Мамаду ее «макулатуру» – она притащила даже рекламные проспекты, фотографии машин и счета за телефон» [3; 24]. В данном случае слово *borde*, которое Larousse истолковывает, как «lieu où règne le désordre, la confusion» (место, где царит беспорядок и путаница), содержит в себе иронию. Читатель, знающий французский язык, прочитав это предложение, скорее всего, просто улыбнется или возможно даже не поймет, над чем иронизирует автор. Но читатель, знающий о процедуре подачи бумаг в la CAF (Caisse d'Allocations Familiales – касса социальной помощи), сразу же поймет всю горькую иронию и насмешку автора. Заводить досье в данном учреждение – это гигантский труд, бюрократическая процедура, требующая сил, времени и терпения. Мало того, что нужно собрать немыслимое количество документов, их ксерокопии, так еще и, более чем вероятно, через месяц подачи всех (на ваш взгляд) документов, может прийти письмо из la CAF с просьбой донести или отправить по почте недостающие бумаги или квитанции. Затем, досье долго и упорно рассматривается, что занимает от полутора до трех месяцев. И только лишь потом, счастливый человек, получает еще одно письмо, где ему разъясняют какое пособие или выплата ему назначена и на каких основаниях. Поэтому читатель, осведомленный о тонкостях данной процедуры, невольно поймет иронию в данном контексте. Собрать все бумаги трудно, а Мамаду, совершенно сбита с толка, принесла все, что угодно, начиная с квитанций от налоговой инспекции, заканчивая рекламными листовками.

Рассматривая данный диалог с позиции русскоговорящего читателя, можно предположить, что негритянка просто глупа, поэтому в ее документах царит хаос. Поэтому, мы считаем, что для правильного и максимально точного распознавания иронии, необходимо анализировать культурную среду. Но, для любого француза сразу становится очевидно, что собрать нужное количество документов в la CAF – дорогого стоит.

Можно утверждать, что для полного понимания контекста и реализации иронии в ней, читателю не всегда достаточно знать язык. Ему необходимо выходить за пределы текста, охватывать знания о мире в целом, используя свою эрудицию и кругозор, фоновые знания.

Как мы выяснили, все случаи реализации иронии в канве произведений, которые мы рассмотрели выше, могут реализовываться только в контексте, учитывая знания о мире в целом. А значит, в контекст иронии должны входить как лингвистические, так и паралингвистические факторы.

Переходя к анализу примеров в произведениях Ф. Бегведера, следует отметить, что ирония может локализоваться в слове, в предложении или охватывать весь текст. Часть компонентов не находят своего прямого отражения в тексте, они остаются на уровне интуиции.

В произведении Ф. Бегведера «*Au secours pardon*» свое отражение находит ирония, выраженная посредством омофонов:

«*Je n'étais peut – être pas coupable d'amour. Quand on n'est pas capable, on se sent coupable*» [45; 151].

«*Может, в любви я просто позер? Какой позор!*» [1; 120].

Иронический эффект достигается благодаря фонетическому сходству прилагательных «*capable*» и «*coupable*». Здесь проявляется самоирония Октава, главного героя, над самим собой, над его неспособностью любить.

«*A présent quelques mètres séparent la Pravda de Prada*» [45; 95].

«*...ведь теперь от «Правды» до «Прады» один шаг*» [1; 72].

Октав едко иронизирует по поводу того, что самый роскошный московский торговый центр ГУМ находится напротив Мавзолея, где можно найти шикарные бутики, типа «Прада». «Pravda» выступает с одной стороны, как газета, с другой стороны как истина. Не зря автор выделил именно это слово курсивом, значит, в нем содержится двойственность смысла. Редакция газеты «Комсомольская правда» находится недалеко от ГУМа, но можно также предложить, что мир роскоши и блеска одурманивает людей, заставляет их хотеть, потреблять, уводя от истинных ценностей.

Также Ф. Бегбедер прибегает к омографам для создания иронического эффекта:

«*J'étais soulagé de trouver des nanas plus obéissantes que dans mon pays natal, des beautés qui n'allaient pas me castrer tout de suite. Est – ce un hasard si, en anglais, esclave se dit slave?*» [45; 126].

«*Я радовался, что здесь девушки послушнее, чем во Франции, и не собираются немедленно меня кастрировать. Или не зря по – английски «раб» будет «slave»? [1; 100].*

В данном случае, мы видим необычный случай реализации иронии. Французское слово «slave» имеет значение «славянский», а английское – раб. Октав выражает насмешку, едкую иронию, унижая русских девушек, называя их рабынями.

Итак, можно констатировать, что одним из важнейших средств создания экспрессивности речи является ирония. Употребление иронии в художественном тексте – это индивидуальный творческий акт писателя и его субъективное восприятие мира. Рассмотрение иронии в пределах художественного произведения дает возможность проникнуть в духовный мир автора и его героев, проанализировать их поведение, понять особенности их мировоззрения. Даже в современной науке понятие «ирония» остаётся неразработанным. Её реализация в современных художественных произведениях остаётся предметом споров учёных.

Функциональный аспект иронии разнообразен. В анализируемых романах ирония выполняла дискредитирующую функцию, изобличая нравственное падение современного общества, а также отрицательную функцию, скрытую под самоиронией.

В романах Ф. Бегведера «Идеаль», «Любовь живет три года», автор прибегает к сатирической иронии, которая нередко имеет тонкую границу с нигилистической иронией. Главные герои данных произведений, беспощадно дискредитируя современное французское общество «тотального порхания», отражают позицию самого автора к падению современных жизненных ценностей. Главные герои романа «Просто вместе» А. Гавальды любят иронизировать над самими собой. Они довольным обществом, законами, по которым оно живет. Они отрицательно оценивают самих себя, свои поступки, стремления, уровень образованности, внешность, жизненное предназначение. Возможно, герои просто хотят под маской самоиронии защититься от окружающего их мира и жить в собственных мечтах и иллюзиях.

Ирония как явление, охватывает все сферы общения, имеет очень древнюю историю и, безусловно, не может быть определена просто как стилистический прием, а также как эстетическая категория. Ирония содержит в себе большое количество психологических факторов, и нужно обязательно принимать их во внимание. Несомненно, на иронию влияет и культура народа, отсюда можно предположить, что понимание иронии может представлять большие трудности из-за незнания реалий.

Необходимо отметить, что ирония может опираться на контекст целого произведения, а не только локализоваться на лексико-семантическом уровне.

Ирония также может выступать индикатором ментальности народа. В анализируемых романах, мы нашли отражение, посредством иронии, всех самых главных черт французского менталитета.

Список источников

1. Бегбедер Ф. Идеаль. М. : Иностранка, 2007. 352 с.
2. Бегбедер Ф. Любовь живет три года. М. : Иностранка, 2013. 192 с.
3. Гавальда А. Просто вместе. М. : Астрель, 2009. 575 с.
4. Пивоев В. М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск : ПетрГУ, 2000. 104 с.
5. Beigbeder F. Au secours, pardon. Paris : Grasset&Fasquelle, 2007. 320 p.
6. Beigbeder F. L'amour dure trois ans. Paris : Grasset, 2012. 350 pp.
7. Gavalda A. Ensemble c'est tout. Paris : Le diletante, 2004. 576 p.
8. Larousse. Режим доступа: <http://www.larousse.fr/>, свободный. Яз.франц.

References

1. Begbeder F. Ideal'. M. : Inostranka, 2007. 352 p.
2. Begbeder F. Lyubov' zhivet tri goda. M. : Inostranka, 2013. 192 p.
3. Gaval'da A. Prosto vmeste. M. : Astrel', 2009. 575 p.
4. Pivoev V. M. Ironiya kak fenomen kul'tury. Petrozavodsk : PetrSU, 2000. 104 p.
5. Beigbeder F. Au secours, pardon. Paris : Grasset&Fasquelle, 2007. 320 p.
6. Beigbeder F. L'amour dure trois ans. Paris : Grasset, 2012. 350 p.
7. Gavalda A. Ensemble c'est tout. Paris : Le diletante, 2004. 576 p.
8. Larousse. Available at: <http://www.larousse.fr/>.

Статья поступила в редакцию 15.09.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 30.10.2021.

The article was submitted 15.09.2021; approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 30.10.2021.

Научная статья

УДК 81`42

doi: 10.21672/1818-4936-2021-80-4-152-158

**О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРАДАЦИИ И ФУНКЦИЯХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ)**

Ж.Ю. Мотыгина

Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия,
j.motygina@mail.ru

Аннотация. Статья анализирует использование медицинской терминологии в поэзии советского периода (20–70-е годы XX века). Рассмотрение текстов таких поэтов, как Э. Асадов, А. Вознесенский, М. Цветаева, Б. Пастернак позволяет увидеть различную степень детерминализации медицинской лексики в структуре художественного дискурса. Статья показывает, что медицинские термины легко входят в состав метафор, окказионализмов, неологизмов, приобретают новые коннотативные и эмотивные оттенки смысла. Термины и медицинская лексика способны выполнять номинативную, характерологическую функции, формировать творческую реальность – картину мира конкретного произведения, способствовать творческому самовыражению поэтов.

Ключевые слова: медицинская терминология, художественный дискурс, поэзия, детерминализация, метафоры, окказионализм, функции

**ABOUT SEMANTIC GRADATION AND FUNCTIONS OF MEDICAL TERMS
IN ARTISTIC DISCOURSE (IN POETIC TEXTS)**

Zh.Yu. Motygina

Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia, j.motygina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the use of medical terminology in poetry of the Soviet period (20–70s of the XX century). Consideration of the texts of such poets as E. Asadov, A. Voznesensky, M. Tsvetaeva, B. Pasternak allows us to see the different degrees of determinologization of medical vocabulary in the structure of artistic discourse. The article shows that medical terms easily enter the composition of metaphors, occasionalisms, neologisms,